

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-1-35>

УДК 340

Attribution

cc by

**СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН В 1920-Е ГОДЫ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ**

Упоров И.В.¹, Попов М.Ю.²

Российская академия естествознания, uporov@list.ru,

Российская академия гуманитарных наук, <https://doi.org/0000-0002-2090-0933>

Аннотация. Уголовно-правовая история России насчитывает несколько веков, начиная с отдельных норм Русской Правды и заканчивая специальным уголовным законом, действующим в настоящее время (УК РФ 1996 г.). Все это время уголовная политика, если иметь в виду системное ее осуществление, основывалась на общепринятой во всех странах во все времена позиции – за конкретное деяние следует конкретное наказание, установленное уголовным законом. Эта позиция основывается на классической школе наказания. Однако в России имел место сравнительно недолгий период, когда государством предпринималась попытка внедрить иной подход, основанный на социологическом учении (теории, школе), предусматривающим воздействие на преступника исходя прежде всего не из преступления, а из его личности. Это было в период времени после Октябрьской революции 1917 г. и нашло отражение в первых советских уголовных кодексах (УК РСФСР 1922 и 1926 гг.). В статье рассматриваются особенности указанной уголовно-правовой политики советского государства, определяемой программными установками компартии. Отмечается, что социологическое учение соответствовало планам большевиков построить общество, где не будет условий для преступности, однако, как довольно быстро показала социальная практика, это оказалось утопией; вместе с тем, в неопределенном будущем подобный подход может быть востребован.

Ключевые слова: социологическое учение, советское государство, уголовный закон, преступление и наказание, личность, санкции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**SOVIET CRIMINAL LAW IN THE 1920S
IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGICAL TEACHING**

Ivan V. Uporov¹, Mikhail Yu. Popov²

Russian Academy of Natural Sciences¹,

Russian Academy of Humanities²

Abstract. The criminal-legal history of Russia spans several centuries, beginning with individual norms of the Russian Truth and ending with a special criminal law currently in force (the Criminal Code of the Russian Federation, 1996). All this time, criminal policy, if we mean its systematic implementation, was based on the position generally accepted in all countries at all times - a specific act is followed by a specific punishment established by the criminal law. This position is based on the classical school of punishment. However, in Russia there was a relatively short period when the state attempted to introduce a different approach based on sociological teaching (theory, school), which envisaged influencing the criminal primarily not based on the crime, but on his personality. This happened after the socialist revolution of 1917 and was reflected in the first Soviet criminal codes (the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and 1926). The article examines the features of the said criminal-legal policy of the Soviet state, determined by the programmatic guidelines of the Communist Party. It is noted that the sociological teaching corresponded to the plans of the Bolsheviks to build a society where there would be no conditions for crime, however, as social practice quickly showed, this turned out to be a utopia; at the same time, in the indefinite future, such an approach may be in demand.

Keywords. *Sociological doctrine, Soviet state, criminal law, crime and punishment, personality, sanctions.*

Funding: *Independent work.*

Введение.

В конце XIX – начале XX в. в Европе стало получать распространение социологическое учение о наказаниях (труды Ф. Листа, А. Принса, Г. Тарда и др.). Суть этого учения (теории, школы) заключалась в том, чтобы отказаться от классической школы, то есть, назначения наказания в зависимости прежде всего и в основном от тяжести преступления (так называемое объективное вменение, когда за определенное общественно опасное деяние устанавливается конкретное наказание и его мера), и вместо этого развивать систему наказаний с неопределенными сроками лишения свободы и активным применением мер социальной защиты общества от преступников, основанную на изучении личности преступника, соответственно некарательные меры (в том числе в условиях изоляции от общества) предполагалось применять столько, сколько это было необходимо для полного исправления преступника путем трудового, педагогического, медицинского и иного воздействия; в перспективе такая система могла бы даже заменить само уголовное наказание [1, с. 88]. Если некоторым образом упростить понимание социологического учения, то речь идет о защите общества от преступников при более гуманном к ним отношении в части реализации мер государственного принуждения в зависимости в первую очередь от его личности. Эти аспекты находят в отечественной литературе достаточное освещение, причем в различные исторические периоды [2; 3; 4; 5; 6 и др.]

Обсуждение. Результат.

В Российской империи в начале XX в. такой подход также имел место в тогдашней пенитенциарной политике, и затем - уже в советском государстве, с учетом того, что многие деятели в пенитенциарной сфере остались прежними – теперь уже рамках советского Народного комиссариата юстиции (НКЮ), эти идеи находили свою реализацию, чему способствовало и то обстоятельство, что они были созвучны позиции новой советской власти. Так, в большевистских программных партийных документах РСДРП(б)-РКП(б), в частности, предполагалось, что после свержения эксплуататорского класса буржуазии будут ликвидированы условия совершения преступлений, соответственно отпадет необходи-

мость в жестких уголовных законах. В этом контексте, в Программе Российской компартии (в редакции 1919 г.) отмечалось, что в новом социалистическом государстве система уголовных наказаний должна быть «окончательно заменена системой мер воспитательного характера» [7, с. 47-48].

Элементы социологического учения о наказаниях стали проникать и в советские законодательные акты, что проявилось уже в содержании Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. [8]. Здесь важнейшей была норма (ст. 10) о том, что наказание не является ни возмездием к нарушителю со стороны государства, ни искуплением его вины за общественно опасное деяние, а представляет собой «оборонительную меру» (имелась в виду защита общества от лиц, совершивших преступления), и основывается на принципе «целесообразности»; при этом наказание не должно содержать «признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий» [8].

Однако более полно соответствующие идеи были отражены в УК РСФСР 1922 г. [9] и УК РСФСР 1926 г. [10].

Так, согласно ст. 8 УК РСФСР 1922 г. наказание и другие меры социальной защиты должны были применяться с целью:

- общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества;
- приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия;
- лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений.

Следует заметить, что если сделать сопоставление с целями наказания, закрепленными в уголовно-правовых и уголовно-исполнительных актах периода Империи, то обнаруживается значительное сходство; одинаковые по сути мысли были выражены лишь разными словами. Например, цель «нравственного исправления», указанная, в частности, в имперском Уставе о ссыльных 1822 г. (с последующими изменениями) названа «приспособлением». Однако есть и различия, прежде всего - по средствам достижения целей наказания. Если раньше нравственное исправление опиралось, помимо привлечения к труду, на

религиозное воздействие, то в советском государстве - на повышение образования и культурного уровня заключенных.

Очевидно, что в этом отношении советская система в целом оказалась более эффективной, в частности, влияние религиозного воздействия на содержащихся в местах заключения преступников в период Российской империи вряд ли можно назвать высоким, о чем свидетельствует описание эпизодов из жизни каторжан, когда они нередко с презрением и самыми грязными словами поносили священников [11, с. 123-124]; в литературе отмечалось также, что в местах лишения свободы церковь «существует только на бумаге» [12, с. 382].

Влияние социологического учения особенно заметно в ст. 24 и 25 УК РСФСР 1922 г. Так, при определении меры наказания предписывалось учитывать, прежде всего, степень общественной опасности и характер личности преступника, и только после этого - характер и степень общественной опасности совершенного им преступления. Для установления этого «изучается обстановка совершения преступления, выясняется личность преступника, поскольку таковая выявилась в учиненном им преступлении и его мотивах и поскольку возможно, уяснить ее на основании его образа жизни и прошлого» [9] (ст. 24). В этой связи, еще на стадии обсуждения проекта уголовного кодекса Д.И. Курский писал: «Для нас преступник - это человек, который опасен в данное время, которого нужно или изолировать, или попытаться исправить, но которому ни в коем случае не надо мстить» [13, с. 127]. Согласно ст. 32, лишение свободы могло назначаться со строгой изоляцией или без таковой. Сроки лишения свободы составляли от 6 месяцев до 10 лет (ст. 34).

Определялись следующие места лишения свободы:

- исправительно-трудовой дом;
- трудовая сельскохозяйственная и ремесленная колония;
- переходной исправительный дом.

Вид учреждения устанавливался в зависимости от тех мер исправительного воздействия, которые являются необходимыми для перевоспитания преступника.

Лишение свободы обязательно соединялось с работами, которые, по возможности, должны были «сообразовываться со специальными знаниями или склонностями заключенного» (ст. 34). Если наказание определялось лишением свободы не меньше чем на один год, то суд

в обязательном порядке должен был рассматривать вопрос о поражении прав (ст. 42), заключающееся, прежде всего, в лишении активного избирательного права, а также в запрете занимать ответственные должности, быть заседателем в народном суде, поручителем и опекуном (ст. 40). В Общую часть Кодекса был включен также раздел V («Порядок отбывания наказания»), где устанавливалось, что надзор и руководство по исполнению приговора к лишению свободы и принудительным работам возлагается на Центральный исправительно-трудовой отдел Народного комиссариата юстиции (далее, НКЮ) и его органы на местах, осуществляющих свое руководство через губернские распределительные комиссии, наблюдательные комиссии и бюро принудработ через отделы труда (ст. 51).

В последующих уголовно-правовых актах подобных уголовноисполнительных норм уже не будет, поскольку последние выделялись в самостоятельные правовые акты в виде Исправительно-трудовых кодексов. К отбывающим наказание в виде лишения свободы в случае, если они «обнаружат исправление», могло применяться условно-досрочное освобождение.

Уникальной для истории уголовного права России была норма о возможности продления срока содержания в ИТУ несовершеннолетних, «не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия срока». Такое решение принимал суд по представлению распределительной комиссии, причем дополнительный срок (до исправления) не мог превышать половины первоначально определенного судом срока наказания (ст. 56). Данное положение вполне вписывалось в социологическое учение о наказании (так, предполагалось, что удлинение срока наказания пойдет, прежде всего, на пользу самому осужденному).

В Особой части УК РСФСР 1922 г. также налицо элементы социологического учения - по большинству составов преступлений срок лишения свободы устанавливается не в каких-либо рамках и не «до» какого-либо предела, а «не ниже» такового. Например, спекуляция с иностранной валютой в обмен на советские денежные знаки (или наоборот) каралась лишением свободы на срок не менее шести месяцев (ст. 138).

Таким образом, по большинству составов преступлений, за совершение которых предусмотрено лишение свободы, суд теоретически, исходя из степени социальной испорченности личности преступника, мог назначать произвольно высокий срок лишения свободы. Отметим еще и то обстоятельство, что лестница наказаний

в УК РСФСР 1922 г., по сравнению с Руководящими началами по уголовному праву, была значительно сокращена и состояла из 11 видов (включая расстрел). Были предусмотрены также меры социальной защиты, заменяющие наказание или иное воздействие (помещение в учреждение для умственно отсталых или морально дефективных, принудительное лечение, воспрещение занимать ту или иную должность, удаление из определенной местности и др.).

В 1924 г., в связи с образованием СССР, Постановлением ЦИК были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [14]. На их основе был разработан следующий УК РСФСР 1926 г., в котором концепция социологического учения получила дальнейшее развитие в виде более конкретизированной теории социальной защиты. Уже в ст. 1 указывалось, что уголовное законодательство имеет задачу охраны социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно опасных действий (преступлений) путем применения к лицам, их совершившим, мер социальной защиты. Такие меры могли применяться в отношении лиц как совершивших общественно опасные деяния, так и представляющих опасность по о своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности (ст. 7) – эта норма также является уникальной в уголовно-правовой истории России. Согласно ст. 9 - Меры социальной защиты, должны были применяться в целях:

- предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их;
- воздействия на других неустойчивых членов общества;
- приспособления, совершивших преступные деяния к условиям общежития государства трудящихся.

Там же указывалось, что меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия, и кары себе не ставят (на этот счет уже были соответствующие теоретико-правовые труды [15;16;17 и др.]). В этом законе не используется термин «наказание», он был заменен термином «меры социальной защиты», что однозначно показывает влияние социологического учения о неказании.

В ст. 20 устанавливалась довольно обширная лестница мер социальной защиты судебно-исправительного характера (всего 14), среди них:

- лишение свободы со строгой изоляцией;
- лишение свободы без строгой изоляции

и др., практически те же, что и в предыдущем Кодексе.

Расстрел (ст. 21) впервые называется исключительной мерой охраны государства. Согласно ст. 28, лишение свободы устанавливалось на срок от 1 дня (ранее было от 6 месяцев) и не свыше десяти лет и обязательно соединялось с работами. При назначении срока лишения свободы менее одного года не допускалось лишение осужденного политических и гражданских прав (ст. 31,34).

Отметим еще следующие особенности. В ст. 47 и 48 (отягчающие и смягчающие обстоятельства) был четко проведен классовый признак. В отличие от предыдущего Кодекса, санкции, определяющие пределы лишения свободы, сконструированы только по одному типу - «до» какого-либо срока - то есть, четко определен верхний предел (в предыдущем Кодексе, напротив, определялся только нижний предел наказания).

Как видно, с одной стороны, влияние социологического учения о наказании на содержание уголовно-правовых норм в УК РСФСР 1926 г. по сравнению с УК РСФСР 1922 г. несколько усилилось. Так, в Кодексе 1926 г. была четко отражена идея о том, что государство, применяя меры социальной защиты, совершенно не стремится к тому, чтобы преступник испытывал какие-либо страдания, на что ранее обращалось внимание. С другой стороны, исключение из Особенной части УК 1926 г. санкций с фиксированием лишь нижней границы срока лишения свободы, а также положение ст. 47 о том, что основным вопросом, подлежащим разрешению в каждом конкретном случае, является вопрос об общественной опасности рассматриваемого преступления (а не об общественной опасности, прежде всего, самого преступника) некоторым образом идут вразрез с социологическим учением.

Таким образом, можно констатировать, что развитие в нормах уголовного права идей социологического учения происходило противоречиво, но, тем не менее, основные принципы этого учения были все же преобладающими.

В связи с выше изложенным, трудно согласиться с мнением И.С. Ноя о том, что советский законодатель в первые годы после 1917 г. не испытывал влияния социологического направления о наказании [18, с. 16]. Здесь указанный автор, некоторым образом, противоречит самому себе, поскольку, говоря об отказе советской науки (и законодательства) от классической школы, он не мог не сделать иного вывода, кроме как об усиле-

нии влияния социологической школы (достоточно назвать, например, уменьшение максимального срока лишения свободы до 10 лет), так как и в XIX в., и сейчас в теории уголовного наказания главенствуют именно два фундаментальных, направления, соотношение которых меняется в зависимости от многих факторов (в настоящее время, например, в России усилилось влияние классической школы).

После вступления в силу УК РСФСР 1926 г. советский законодатель, спустя несколько лет, вернулся к термину «наказание» (1934 г.) и в целом уголовно-правовая и уголовно-исполнительная практика довольно быстро свела на нет идеи социологического учения, уступив место классической теории наказания, предусматривающей кару и возмездие в качестве составляющих института уголовного наказания.

В первые годы после установления советской власти был взят, как известно, курс на скорейшее построение коммунистического общества, предполагающего создание социальных условий, исключающих совершение преступлений. Соответственно, предусматривалось принятие мер по повышению образовательного и культурного уровня граждан страны. Однако реальность оказалась такой, что преступность как среди «контрреволюционеров», так и среди «трудящихся» продолжала расти. При таких обстоятельствах, в контексте сталинской идеи об усилении классовой борьбы в процесс построения социализма в СССР [19] уже не соответствовала терминам «легкость» и «мягкость» социологического учения; требовались устрашение, кара, возмездие, что было продемонстрировано, в частности, в известных уголовно-политических процессах 1920-30-х гг.

В последующее время прежние концепции были признаны ошибочными, в том числе и в отношении наказания в виде лишения свободы. Так, нормы УК РСФСР 1926 г. об опасном состоянии личности как основания для применения к ней уголовно-репрессивных мер, критикуются, и справедливо, поскольку в этом случае, человек подвергается серьезным лишениям и ограничениям, не совершая конкретного общественно опасного деяния [19; 20]. Однако мы считаем необходимым отметить при этом то обстоятельство, что закрепление соответствующих норм в уголовном законе 1926 г. осуществлялось не с целью обеспечить правительству возможности для произвольных репрессий (это вытекало как следствие), а имелось в виду именно достижение при-

способления преступника к «условиям общежития государства трудящихся». В этой связи, нельзя назвать безосновательным стремление государства оградить общество от лица, которое склонно совершать преступления против этого общества, и тем самым защитить как общественные интересы в целом, так и интересы отдельных людей потенциальных жертв - от потенциальных преступников.

Однако при таком подходе налицо самонадеянность, присущая советскому государству, которое считало свою позицию безошибочной, а соответственно, и возможности судов и революционных трибуналов, а также уголовно-исполнительных учреждений были явно переоценены, более того, идеализированы (как в целом стремление построить коммунистическое общество). Конечно же, малограмотные, в большинстве своем, комиссары, взлетевшие на революционной волне в судебные кресла, а также малограмотные судьи «из трудящихся» были не в состоянии объективно, с учетом всех обстоятельств определить «опасность» для общества того или иного человека. Поэтому такой подход был заранее обречен на провал, что и подтвердила последовавшая практика и статистика преступности [21] (но это стало понятно позже, а тогда, видимо, мечта скорого постарения коммунистического общества не давала возможности реалистично оценить планы советской власти).

Заключение.

Исходя из выше изложенного, мы пришли к следующим выводам.

Первые уголовные кодексы Советской России, нельзя оценивать однозначно, и в литературе высказываются разные точки зрения [22; 23; 24; 25 и др.]. Институт лишения свободы регулировался в них, исходя, прежде всего, из социологического учения о наказании, что, однако, не отвечало реальным возможностям государства обеспечить выполнение соответствующих правовых норм. Такой подход объяснялся, в свою очередь, общими идеологическими установками, все сильнее приобретавшими директивный характер. Положение о том, что меры социальной защиты (наказания) никаким образом не ставят задачи кары (возмездия) не отражало объективно сложившихся общественных отношений в уголовно-правовой сфере. Вместе с тем, в принятых нормативных актах следует отметить гуманный (по сравнению с законами как Империи, так и последовавших периодов истории Советского государства) характер наказания в виде лишения сво-

боды, что проявлялось, прежде всего, в ограничении максимального срока лишения свободы десятью годами, а также и в относительно нестрогом режиме отбывания осужденными наказания в местах лишения свободы. В литературе отмечается также, что «сильной стороной суждений представителей социологической школы уголовного права стали выводы о необходимости междисциплинарного подхода к изучению и, следовательно, к пониманию преступности» [26, с. 80]. Тем не менее, как отмечает К.А. Сыч, «концепция некарательного воздействия оказалась невостребованной жизнью по причине несоответствия фундаментальным положениям уголовного права, обеспечивающим законность и справедливость в

отправлении правосудия» [27, с. 13]. И уже в последующих уголовных законах как советского государства, так и постсоветской России (УК РСФСР 1960 г., УК РФ 1996 г.) однозначно доминирует классическая школа уголовного наказания. Но идеи социологического учения, как нам представляется, еще могут быть реанимированы в будущем – когда и в России, и в других странах настолько будет снижен уровень преступности, что можно будет отказаться от термина «наказание». Очевидно, на это потребуется много времени, возможно, несколько столетий при условии, конечно, если еще раньше цивилизация не прекратит своего существования.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Шидловский А.В. *Философские основы учения о природе наказания* // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. С. 87–94.
2. Рапог А.И. *Социологическая школа уголовного права* // Большая российская энциклопедия. 2023 / <https://bigenc.ru/c/sotsiologicheskaja-shkola-ugolovnogo-prava-39d507> (дата обращения: 26.12.2024).
3. Дриль Д. А. *Учение о преступности и мерах борьбы с ней*. СПб., 1912.
4. Жижиленко А.А. *Очерки по общему учению о наказании*. М., 1923. 112 с.
5. Фомивко А. Ф. *Наказание как социальный феномен (философский анализ): дис. ... канд. филос.наук*. М., 2006. 151 с.
6. Григорьев О.А. *Социологическая школа уголовного права и ее влияние на развитие отечественного законодательства*. Москва: Палеотип, 2005. 112 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Т. 2. 1917-1922. М., 1983.
8. *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (приняты постановлением НКЮ от 12 дек. 1919 г.)* // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 57-60.
9. *Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.)»* // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
10. *Постановление ВЦИК от 22.11.1926 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.")* // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
11. Якубович П.Ф. *В мире отверженных. Записки бывшего каторжника*. СПб., 1907.
12. Кони А.Ф. *Собрание сочинений*. Т. 7. М., 1969.
13. Курский Д.И. *Избранные статьи и речи*. М., 1958.
14. *Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (утв. Постановлением Президиума ЦИК от 31.10.1924)* // СЗ СССР. 1924. № 204.
15. Скрыпник Н. *Уголовная политика советской власти*. Харьков, 1924.
16. Пионтковский А.А. *Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР* // Советское право. 1923. № 3.
17. Чельцов-Бebutov М.А. *Идея социальной защиты* // Вестник советской юстиции. 1924. № 13.
18. Ной И.С. *Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве*. Саратов, 1973.
19. Молодчикова А. В. *Особенности институтов общей части УК РСФСР 1922 года и их влияние на современное уголовное законодательство* // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 52-62.
20. Мкртычан С.А. *Система наказаний в УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 г.* // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 856-861.
21. Упоров И.В. *Мировой экономический кризис и статистика преступности в России* // Общество и

право. 2009. № 5 (27). С. 41-44.

22. Сулейманов А. А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

23. Борисова В.Р. Социально-политическая обусловленность уголовного права на примере различий общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и общей части Уголовного кодекса РФ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 4. С. 37-40.

24. Тоскина Г.Н. Становление и развитие системы наказаний в уголовном праве России и СССР в 1917-1926 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

25. Лоба В.Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 4. С. 100-108.

26. Егорышев С.В. Преступное поведение в понимании представителей социологической школы уголовного права // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 72-80.

27. Сыч К.А. Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике // Пенитенциарная наука. 2014. С.13-19.

28. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под редакцией ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 г. Госполитиздат. 1952.

References:

1. Shidlovsky A.V. *Filosofskie osnovy ucheniya o prirodu nakazanii* [Philosophical foundations of the doctrine of the nature of punishment]. Series: Pravo. 2020. № 1. Pp. 87–94.

2. Rarog A.I. *Sociological School of Criminal Law* // Great Russian Encyclopedia. 2023 / <https://bigenc.ru/c/sotsiologicheskaja-shkola-ugolovnogo-prava-39d507> (accessed: 26.12.2024).

3. Dril D. A. *Uchenie o prestupnosti i merakh bor'by s ney* [Doctrine of crime and measures to combat it]. St. Petersburg, 1912.

4. Zhizhilenko A.A. *Essays on the general doctrine of punishment* Moscow, 1923. 112 p.

5. Fomivko A. F. *Nakazanie kak sotsial'noy fenomen (filosofskii analiz): diss. ... Cand. Philos.nauk. M., 2006. 151 p. (In Russian).*

6. Grigoriev O.A. *Sociological School of Criminal Law and Its Impact on the Development of Domestic Legislation. Moscow: Paleotype, 2005. 112 p.*

7. *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee / under the general editorship of A.G. Egorov, K.M. Bogolyubov. T. 2. 1917-1922. Moscow, 1983.*

8. *Rukovodstvennye nachala po ugovnomu pravo RSFSR (prinятные postanovleniyem NKYu ot 12 dek. 1919 g.) // Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.) / pod red. I.T. Golyakova. Moscow, 1953. Pp. 57-60.*

9. *Postanovlenie VTsIK ot 01.06.1922 «O vvedenii v deystvie Ugovnogo Kodeks R.S.F.S.R. (vmeste s Ugovnogo Kodeks R.S.F.S.R.)» // SU RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.*

10. *Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 "On the introduction into action of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R.") SU RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.*

11. *Yakubovich P.F. In the World of Outcasts. Notes of a former convict. St. Petersburg, 1907.*

12. *Koni A.F. Sbranie sochinenii [Collected works]. T. 7. Moscow, 1969.*

13. *Kursky D.I. Izbrannye stat'i i rechi [Selected articles and speeches]. Moscow, 1958.*

14. *Osnovnye nachala ugovnogo zakonodatel'stva Soyuz SSR i soyuznykh respublik (utv. Postanovleniem Presidium CEC ot 31.10.1924) // SZ SSSR. 1924. № 204.*

15. *Skrypnik N. Ugovnaya politika sovetsoy vlasti [Criminal policy of Soviet power]. Kharkov, 1924.*

16. *Piontkovsky A.A. Mery sotsial'noy zashchity v Ugovnom kodekse RSFSR [Measures of social protection in the Criminal Code of the RSFSR]. 1923. № 3.*

17. *Cheltsov-Bebutov M.A. Ideya sotsial'noy zashchity [The idea of social protection]. 1924. № 13.*

18. *Noy I.S. Essence and Functions of Criminal Punishment in the Soviet State. Saratov, 1973.*

19. *Molodchikova A. V. Osobennosti institut obshchei chasti CC RSFSR 1922 goda i ikh vliyanie na sovremennoye ugovnoye zakonodatel'stvo [Features of the institutes of the general part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and their influence on modern criminal legislation]. 2020. № 9. Pp. 52-62.*

20. *Mkrytchyan S.A. Sistema nakazaniy v UK RSFSR 1922, 1926 i 1960 g. [The system of punishment in the Criminal Code of the RSFSR in 1922, 1926 and 1960]. 2014. № 5. Pp. 856-861.*

21. *Uporov I.V. Mirovoy ekonomicheskii krizis i statistika prestupnosti v Rossii [World economic crisis and crime statistics in Russia]. 2009. № 5 (27). Pp. 41-44.*

22. *Suleymanov A. A. Ugovlnyy kodeks RSFSR 1922 g.: kontseptual'nye osnovy i obshchaya kharakteristika: diss. ... Cand. jurid. Sciences. Moscow, 2007.*

23. *Borisova V.R. Socio-political conditionality of criminal law on the example of differences between the general part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and the general part of the Criminal Code of the Russian Federation.*

2021. № 4. Pp. 37-40.

24. Toskina G.N. *Formation and development of the system of punishment in the criminal law of Russia and the USSR in 1917-1926: diss. ... Cand. jurid. Sciences. Moscow, 2005.*

25. Loba V.E. "Recipes" of the fight against crime of the sociological school of criminal law. *Series: Pravo. 2013. № 4. Pp. 100-108.*

26. Egoryshev S.V. *Criminal Behavior in the Understanding of Representatives of the Sociological School of Criminal Law // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. Pp. 72-80.*

27. Sych K.A. *Idei sotsiologicheskoy shkoly ugolovnogo prava i ikh recessnost' v zakonodatel'noy praktike [Ideas of the sociological school of criminal law and their demand in legislative practice]. 2014. P.13-19.*

28. *History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A short course edited by the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Approved by the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 1938. Gospolitizdat. 1952.*

Информация об авторах:

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания, , uporov@list.ru

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, Российская академия гуманитарных наук, popov-52@mail.ru, <https://doi.org/0000-0002-2090-0933>

Ivan V. Uporov, Professor Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Mikhail Yu, Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Humanities, Krasnodar.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2024;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.01.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.